

фантастическая
история

МОСКВА, 2014

фантастическая
история

Михаил Королюк
Спасти СССР.
Инфилтрация

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К68

Серия основана в 2010 году
Выпуск 89

Королюк М. А.

К68 Спаси СССР. Инфильтрация: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 377 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1697-4

Случайная — или не совсем? — встреча с попутчиком в поезде, разговор за рюмкой, оживленный спор... Может ли один человек, если вернуть его в прошлое, изменить историю хотя бы одной страны, обладая всеми знаниями сегодняшнего дня? «Я бы взялся, да кто ж предложит», — говорит Андрей Соколов, наш современник. «Вот прямо так бы все бросил и взялся?» — не верит попутчик.

...И вот Андрей оказывается в конце семидесятых, в своем собственном теле восьмиклассника ленинградской школы. Конкретных задач перед ним никто не ставил, инструкций не давал. Ему самому предстоит решить, что делать: зная о грядущем развале страны, успеть отыскать теплое местечко на земном шаре, благо возможности есть, или все-таки остаться и попробовать повлиять на ход исторического процесса и спасти СССР.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Королюк М. А., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1697-4

ПРОЛОГ

10 июля 2015 года, 09:57

Украина

— Ну что, вмажем по стремянной, что ли, на ход ноги? — жизнерадостно предложило сидящее напротив существо. — Для стимуляции мыслительных процессов.

Я лишь слегка кивнул в ответ. Оно тут же сноровисто обновило кальвадос в рюмашках, извлекло из воздуха золотистую тушку цыпленка табака и решительно разломило ее на две приблизительно равные части, роняя мутные капельки застывшего жира на небрежно брошенную на стол салфетку. По купе разнесся чесночный дух.

Поезд трянуло на стрелке, и в окно нагло полезло солнце. Мой визави оторвал взгляд от мелькавших за стеклом кустов и многозначительно посмотрел на меня:

— До Шепетовки осталось минут пятнадцать. Пора...

Я опять изобразил вялый кивок, рассеянно наблюдая, как при каждом перестуке колес по поверхности чая пробегает рябь.

«Да, сегодня ты, Дюха, достиг новых высот. С кем только не пил, но чтобы с явлением... — После бессонной ночи мысли двигались еле-еле, словно плавники разморенной в теплой воде рыбы. — Пожалуй, это слишком смелая концепция для меня, что бы оно ни говорило. Пусть побудет существом, раз не является человеком. В конце концов любое существо — само по себе явление...» — Я готов был думать обо всем, кроме главного.

Где-то в животе пульсировал шальной восторг ожидания чуда, и одновременно холодным червячком шевели-

лось опасение обмана. Слишком сладким ломтем меня поманили... Не муляж ли это?

Я еще помню, как было до, и знаю, как сделалось после, и оттого мне порой становится страшно. Это не тот страх, который ползет мурашками по коже, когда ты на кураже залез на десятиметровую вышку и, подойдя к краю, обнаружил, что люди под ногами съжились до букашек: такой страх можно преодолеть, сделав шаг вперед. Нет, это другой страх, тоскливый и безнадежный, цементирующий ночь могильной уверенностью, что серое и корявое сегодня, так внезапно выкрутившееся из ничего и заслонившее собой прекрасное далёко, теперь навсегда. Навсегда — вот ключевое слово.

Стоп. Хватит дергаться. Сейчас все станет ясно, я же ничем не рискую? Лишь надеждой... В худшем случае ничего не изменится.

Странно, но я так и не испытал сомнений в реальности происходящего. Как-то сразу и однозначно стала ясна фальшивость версий об иллюзорности, сне или гипнозе. Да и доказательства своих слов оно, что ни говори, предъявило убедительные. Ой не сон это, Андруха, не сон...

Время как будто замедлило бег, и мозг, продолжая перепроверять уже принятое решение, одновременно отстраненно замечает и запоминает всякую мелочь вроде взаимного расположения косточек от маслин на столике или рисунка-вышиванки на наволочке. Почему-то кажется, что даже в порядке мелькания хат за окном и перестуке колес есть скрытый смысловой слой, который можно будет потом, в спокойной обстановке, раскодировать и использовать.

Чушь, конечно. Значение имеет только происходящее в купе, только те слова, которые сейчас скажу.

— Я решил, — начал я. Вышло сипло и фальшиво. Хмыкнув, попытался расслабить горло и без всякого удивления обнаружил, что все тело, видимо уже давно, сковано предельным мышечным напряжением. Крутанул головой, сделал пару движений плечами, с хрустом разминаясь, поморщился из-за тупой боли под левой лопаткой и уже нормальным голосом повторил: — Я решил. Март семьдесят седьмого, в себя.

9 июля 2015 года, 16:34

Москва, Киевский вокзал

Он вошел в купе минут через пять после того, как уплыл назад перрон Киевского вокзала и я уже успел возрадоваться счастливой случайности, лишившей меня в поездке на юг соседей по купе.

Первым в откатившуюся дверь просунулся слегка потертый жизнью, но сохранивший импозантность темно-рыжий портфель с медными накладками на уголках. Сразу стало понятно, что скроен он из самой что ни на есть натуральной свиной кожи хорошей выделки в те времена, когда воздух был чист, рыба в Оке водилась, а идея приделывать к классическим мужским портфелям ремни для ношения на плече еще никому не пришла в голову.

Я подавил вздох разочарования и быстро нацепил на лицо гримасу радушия. Вышло, полагаю, неважно — актер из меня так себе.

За портфелем в проеме возникла невысокая, но крепко сбитая мужская фигура из тех, о которых говорят «старичок-боровичок». Слегка волнистые иссиня-черные волосы с редкой проседью эффектно обрамляли породистое лицо, на котором играло странное для такого возраста озорное выражение.

— День добрый, — провозгласил он, уложив портфель на полку, и, протянув руку, представился: — Владимир, ваш сосед до Шепетовки.

— Андрей. — Я ответил рукопожатием и, заулыбавшись уже по-настоящему, еще раз окинул взглядом колоритного попутчика. Этаким благообразный хитрован лет шестидесяти с выразительной мимикой и прущей наружу харизмой. Напоминает того русского попики из анекдота, который на сельской свадьбе на вопрос: «Что пить будете, батюшка, — водку, вино?..» — жизнерадостно отвечает: «И пиво!»

«Не самый худший вариант попутчика, лишь бы не храпел», — успокоившись, решил я.

Минут через тридцать, когда проводница окончательно убедилась в нашем праве занимать места и, получив заказ на два чая с лимоном, удалилась, Владимир достал из порт-

феля нарезку твердокопченной колбасы, по виду — брауншвейгской, хлеб и банку греческих маслин. Финальным аккордом стали извлеченные жестом фокусника бутылка кальвадоса «Буляр Х.О.» и две допотопные рюмки с потертыми золотистыми ободками по краям, никак не вяжущиеся своим внешним обликом с благородным напитком.

— Прошу без лишнего стеснения, — веско сказал сосед, решительно сворачивая бутылке голову и ловко наполняя сосуды. — Если нет медицинских противопоказаний, конечно. Воспользуемся отсутствием дам.

По купе поплыла ароматная симфония легких коньячных нот с отчетливым яблочным оттенком. Я с благодарностью улыбнулся госпоже Удаче. Вот уже года два, как у меня длится «кальвадосный период», и я, перебрав несколько вариантов, пришел в итоге к тесной дружбе именно с данным сортом. Иногда крепость наших отношений проверялась моими легкими интрижками с другими «Х.О.» и «V.S.O.P.», но каждый раз я убеждался, что время для окончательного разрыва еще не пришло.

— Э-э-э... Да я как-то не захватил с собой ничего для адекватного алаверды... — протянул я неуверенно.

— Бросьте, Андрей. Все это, — небрежно махнул он рукой, — мелочи, не стоящие того, чтобы из-за них комплексовать. Смело пользуйтесь тем, что Бог послал. Кстати, вы знаете, что использованное вами слово «алаверды» как раз переводится с тюркского как «Бог дал»?

— Интересно... Нет, не знал. — Я перестал ломаться и завладел тем ломтиком колбасы, который сильнее всего подманивал меня задорным блеском своих соевых крупинок. И ведь не сказать, что голоден, но слюна на перекус в купе выделилась сразу — рефлекс с детства. С другой стороны, сидеть и кукситься тоже глупо.

Подхватил рюмку, изобразил привычное круговое движение и вдохнул аромат:

— Божественно... И жизнь хороша, и жить хорошо. Ваше здоровье, Владимир.

— За встречу, — охотно поддержал он и, артистично чокнувшись, одним глотком отправил содержимое рюмки

в себя. С акцентированным пристуком опустил рюмашку и веско добавил: — Жизнь — штука странная, иногда и случайная встреча в вагоне может ее изменить.

Это был намек, но тогда я его не понял и промычал в ответ что-то нейтральное.

9 июля 2015 года, 23:15

Россия

— ...сам подумай, — энергично напирал оппонент, азартно постукивая ногтем по краешку стакана, — в Штатах два процента населения, работающего в сельском хозяйстве, легко кормили всю страну, а в СССР двадцать процентов трудились в совхозах и колхозах — и был дефицит продовольствия. В десять раз больше, а все равно страну накормить не могли! О чем тут спорить?

— Не, Володь, ты не прав. Дьявол — в мелочах. — Для большей убедительности я почему-то ткнул пальцем вверх. — Во-первых, кого считать аграрием. У нас учитывали весь списочный состав колхозов, включая нянечек в детском саду, медсестер, сторожей, шоферов и бухгалтеров, а за бугром — только непосредственно работающих на полях или с живностью.

Я перевел дух, глотнул с донышка настоявшийся на лимоне чай и, оставив стакан, продолжил:

— Во-вторых, климатические условия у нас сильно различаются, поэтому и результаты несопоставимы. В Штатах только один процент посевов находится в зоне недостаточного увлажнения. В СССР таких было почти шестьдесят процентов, а остальное и того хуже — в зоне рискованного земледелия. Если корректно учесть влияние природных факторов, то производительность труда в сельском хозяйстве в СССР была где-то на пятнадцать — двадцать процентов ниже, чем на Западе, но никак не в десять раз. И обусловлено это было нашим отставанием по уровню механизации.

Володя слушал вежливо, не перебивая, но мимикой выразительно изображал свое категорическое несогласие.

— Ну и в-третьих, — я победно улыбнулся своему партнеру по интеллектуальному фехтованию, — в магазинах да, было пусто, но в холодильниках-то — густо! Голодных не было. Хлеб чуть ли не бесплатный, молоко и картошка — копейки, основные продукты — в достаточном количестве и очень дешево. Разнообразие продуктов не хватало, но чтобы кто-то систематически именно голодал... — Я развел руками, демонстрируя недоумение.

Выпитое напомило о себе с предельным коварством: мой локоть отправил в полет стоявший на краю стакан.

— Тьфу ты, довыступался, — ругнулся я, приступая к ликвидации последствий.

«Хорошо, что спор идет без осатанелости. Обычно дискуссия на такую тему на третьей фразе срывается в «сам дурак», — думал, выцарапывая подстаканник из-под полки. — Не переболело еще...»

— Ну да, ну да, — ухмыльнулся Володя, когда я выполз из-под стола на свое место. — Вот спасибо, голода не было. А овощегноилища помнишь? Третью урожай теряли на хранении. А какой картофель в продаже был? Гнилой и на четверть веса глины!

— Было дело... — задумчиво протянул я, вспоминая редкие эпизоды ночных разгрузок вагонов на овощебазе. В памяти всплыли сладковатый запах картофельной гнили и прыжок рассерженной крысы на опрометчиво протянутый палец. А как спать тогда хотелось...

«Пора, однако, на боковую», — подумал я, провожая взглядом плывущую за окном тьму. Сразу навалилась легкая усталость, а азарт спора начал быстро улетучиваться. Я подвел, больше для себя, итоги:

— Говорить, что СССР развалился из-за того, что люди недополучали благ, э-э-э... — Я замялся, пытаюсь подобрать выражение повежливее. Не скажешь же малознакомому собеседнику в лицо: «Ты глупость говоришь». — Не совсем логично.

Володя с ироничным пониманием покивал моей заминке.

— Страну развалили не низы, которые порой испытыва-

ли определенные материальные лишения. Последние лет десять сельское хозяйство действительно не справлялось, шло ухудшение ситуации. Но эта замятня была инициирована той частью элиты, которая имела все. Именно поэтому бессмысленно вспоминать, «как мало было колбасы». Как раз те, кто раскачал систему и пустил ее вразнос, колбасы имели навалом. Не в том причина. А так... Все было, и плохое тоже было. Но почему же почти всем, жившим в те годы, так упорно кажется, что вместе с грязной водой выплеснули и ребенка? Все могло произойти иначе, если бы не череда ошибок и случайностей. Распад страны уж точно не был предопределен историей, существовали иные варианты.

— А без ошибок не бывает исторического процесса. Все ошибаются.

— Это да... Знал бы прикуп — жил бы в Сочи. Если бы хоть кто-то точно знал, — выделил я голосом последнее слово, — к чему все это приведет, историю можно было бы развернуть в другую колею.

— Наверяд ли, — со скепсисом откликнулся Володя. — Исторический процесс обладает инерцией разогнавшегося катка. Один человек для него — что тля под кузнечным прессом. Ничего бы ты не сделал, даже обладая всеми знаниями сегодняшнего дня. Я имею в виду, ничего, что смогло бы радикально изменить историю хотя бы одной страны.

Я откинулся назад, обхватив плечи руками, и задумался над этой гипотетической ситуацией. Володя тем временем вновь наполнил рюмки и, порывшись в бездонном портфеле, достал и разделил молочную шоколадку.

— Пожалуй, я бы поспорил с таким утверждением. Я бы взялся, да кто ж предложит... — грустно пробормотал я, закусывая.

— Что, — недоверчиво хмыкнул Володя, — вот прямо так бы все бросил и взялся?

— Угу. Согласный я. О дайте, дайте мне возможность! — запрокинув голову к тускло мерцающему потолочному плафону, фальшивя, напел я.

В глазах у Володи что-то мелькнуло, и он замер, накло-

нив голову набок и раздумывая. Потом неожиданно резко подался вперед и жестко рубанул ребром ладони по столу:

— Договор.

— Что? — не понял я.

— Договорились, говорю. Пробуй.

— Не смешно, — фыркнул я.

— Согласен, не смешно. Но смешно и не должно быть, — сочувственно прозвучало в ответ.

Попутчик снова принял расслабленную позу и сделал кистью какой-то круговой пасс с потягиванием на себя. Я протрезвел и ошалел.

С минуту мы сидели молча, глядя друг на друга: я — застыв в наклоне вперед, а он, напротив, — небрежно откинувшись на подушку в тени верхней полки. Мысли в голове внезапно устроили подобие шабаша, словно каждая извилина попыталась докричаться до сознания независимо от остальных. Я отстраненно любовался тем, как хаотично возникающие идеи сталкивались и разлетались на фрагменты, из которых складывались новые причудливые комбинации желаний и образов. Затем досадливо тряхнул головой, призывая мозг к порядку, и, добившись хотя бы видимости равновесия, смог вернуться во внешний мир.

— Договор — это было утверждение или вопрос? — спросил я внезапно севшим голосом.

— Пусть будет вопрос. Рассматривайте как оферту, — мягко, с каким-то прорезавшимся легким акцентом перешел собеседник на «вы». — Есть возможность... и воспользоваться ею вы можете до Шепетовки. Через двенадцать с половиной часов мы по-любому расстанемся.

Я побарабанил пальцами по столу, раздумывая. Очень хотелось поверить, и одновременно очень страшно обмануться, поверив. Но мгновенное протрезвление от пасса рукой? Как врач, я знал, что такое не может быть фокусом. Да и что теряю? Я устроился поудобнее:

— Расскажите подробнее. Кто вы, Володя, на самом деле, зачем вам это надо, как вы собираетесь это обеспечивать. И... продемонстрируйте что-нибудь еще, что ли...

Собеседник внимательно взгляделся в мой левый глаз,

что-то там выискивая, потом кивнул какой-то своей мысли и, немного помолчав, начал:

— Во-первых, я не «кто», а «что». Явление в процессе... — он покрутил кистью в воздухе, подбирая слово, — самосборки...

10 июля 2015 года, 10:10

Украина-1

— Я решил. Март семьдесят седьмого, в меня.

Сразу резко полегчало. Я махнул в себя рюмку и впился в сочное бедрышко цыпленка. Пока жевал, в разом опустевшей голове вертелось навязчивое: «Сегодня я в последний раз побрился».

Минут через пять тщательно протер руки салфеткой и с надеждой посмотрел на существо напротив:

— Готов.

— Не будем тогда затягивать. Удачи нам, — улыбнулось оно уголками рта, театрально развело руки, слегка хлопнуло в ладоши и начало быстро блекнуть. Сквозь тело проступил рисунок стенки, подушки и смятого одеяла на полке, как будто кто-то оконтурил изображение фигуры в фотошопе и потянул за бегунок прозрачности. Я удивленно моргнул, и через мгновение в купе не осталось никого, кроме меня.

Черт! Захотелось завить от отчаяния. Спину сторбило навалившейся тяжестью, и резкая колющая боль раскаленным жгутом прошила левую руку от плеча до мизинца так, что перехватило дыхание и выдавило слезу.

Не повезло. Чудо прошмыгнуло мимо, лишь чуть заметно колыхнув воздух вокруг. Мне выпала горькая доля доживать здесь. Представил тянущиеся теперь передо мной глухие окольные темные тропы и разочарованно вздохнул поглубже: «Что ж... Пусть так, принимаю жребий».

Подвигал плечом, пытаюсь разогнуть отголоски боли, подрагивающей рукой вылил в рюмашку остатки янтаря, поднял и повернулся к зеркалу:

— За тебя, Андрюш. Пусть тебе там повезет. Прозит.

10 июля 2015 года, 10:10

Украина-2

— Не будем тогда затягивать. Удачи нам, — улыбнулось оно уголками рта, театрально развело руки, слегка хлопнуло в ладоши, и все вокруг начало быстро блекнуть. Я изумленно посмотрел, как сквозь стенку купе и тело напротив стремительно проступает какой-то приближающийся рисунок.

«Словно в фотошопе прозрачность...» — начала формироваться мысль, но в этот момент нечто, несущееся навстречу, шмякнуло в лоб, вышибая сознание. Последнее, что ощутил, — задирающиеся вверх ноги и неловкое падение в какой-то провал.

ГЛАВА 1

15 марта 1977 года, 15:25

Ленинград, Измайловский проспект

Сквозь царящий в голове болезненный гул тяжело продавливались какие-то звуки. С трудом приоткрыв глаза, взгляделся, пытаюсь разобраться в плавающих передо мной пятнах темно-оливкового цвета. Ничего не разглядел. В памяти всплыла цитата: «Трясущейся рукой провел по бедру, чтобы определить, в брюках он или нет, и не определил».

«Если могу мыслить цитатами, значит, существую». — Я криво усмехнулся и попытался различить, где верх и где низ. Внезапным рывком, словно кто-то крутанул объектив, окружающая реальность приобрела пугающую резкость и глубину. Я, голый и мокрый, лежу на полу в позе запутавшейся в своих лучах морской звезды. Темная шероховатая поверхность перед глазами — дно чугунной ванны, вот ножка торчит, а дальше — кусок линолеума и подергивающаяся дверь. Значит, верх — вон там...

Шипя, расплел ноги, выдернул из-под себя руку и предпринял попытку сесть. Голова резко, до темноты в глазах, налилась тяжестью, и навалилась дурнота. Спустя пару мгновений мир еще раз сжалился надо мной, и стоявший в ушах шум расслоился на узнаваемые звуки. Кто-то дергал с той стороны дверную ручку и испуганно, на грани паники, кричал:

— Андрюшенька, что с тобой?!! Господи, открой дверь!

— А-а-а... — Я попытался подать признаки жизни. Из горла вырвался какой-то хрип. — Сейчас... — Со второй попытки удалось произнести слово громче.

Дверь перестала дергаться, и мамин голос (ну конечно, как я сразу не узнал?) взволнованно зачастил:

— Ну что там у тебя случилось?! Ты упал? Давай открывай скорее! Ничего себе не сломал?!

— Подожди... Сейчас, — повторил я, борясь с подступающей дурнотой. Наконец удалось неловко сесть, привалившись спиной к холодному кафелю, и подтянуть под себя непривычно безволосые ноги.

«Ну да, — обвел я глазами помещение, — узнаю. Ванная на старой квартире. Все верно, без обмана». С облегчением на секунду прикрыл глаза и, криво улыбаясь, перевел дух. Потом поднял руку и сорвал с трубы висевшее надо мной полотенце.

— Сейчас, мам, — произнес уже окрепшим голосом. — Сейчас...

За дверью притаилась встревоженная тишина. Мама прислушивалась, пытаясь определить тяжесть полученных мной повреждений и их совместимость с жизнью.

Встать удалось неожиданно легко. На пару секунд замер перед зеркалом: там кривилось в гримасе смутно узнаваемое детское лицо. Справа на лбу — косая ссадина, на глазах набухающая кровью. Длинные темные сосульки мокрых волос, узкие плечи и худая шея над выступающими ключицами.

«Да, красавец... Ладно, потом налюбуюсь. — Повернулся к двери и запахнул вокруг себя полотенце. — Черт, защелка как неудобно высоко висит...»

Наконец удалось справиться с замком, и в ванную ворвался перевозбужденный вихрь. Меня за пару секунд осмотрели, ощупали, встряхнули, отругали, пожалели и попытались опросить. Организм возмутился. Почувствовав неладное, я прошмыгнул мимо мамы, сделал несколько быстрых шагов по коридору, придерживая полотенце левой рукой, рванул дверь — только бы успеть! — и согнулся над унитазом.

«Молодца́, — подумал, оторвавшись на пару секунд от увлекательного занятия. — Успел».

Спустя минут пять меня водворили в койку. Ссадина

под горестные мамины причитания смазана йодом и залеплена лейкопластырем, а поверх расцветающего синеватым великолепием шишака возложена обернутая вафельным полотенцем грелка с ледяной водой. Мама удалилась, и я с интересом приступил к изучению своей комнаты.

На стене над кроватью — темно-багровый ковер с абстрактным рисунком и кисточками по краям. Пылесборник, надо будет избавиться при случае. На противоположной стене уступом расположились три книжные полки, на нижней из них — горшок с тощим аспарагусом. На полках выстроились узнаваемые корешки, среди которых разноцветным орнаментом выделяется «Тысяча и одна ночь» и монументальностью — «Одиссея». Сверху — истертая стопочка «Искателя». Под полками на свисающей холстине наколота коллекция значков с гербами городов СССР. Периметр высокого потолка обрамлен золотисто-бронзовым резным багетом, а в центре, под фигурной розеткой, повисла трехрожковая люстра. Все узнаваемо, особенно запах родного дома.

Расслабившись, устало закрыл глаза и стал перебирать в уме события последних часов. Ну что ж, теперь я точно знаю, что небывалое бывает.

Из плюсов — чудесное перемещение в детство, как и обещали. Мне сейчас сколько? Мм... Четырнадцать, через пару месяцев будет пятнадцать. Чудный возраст, здоровое тело, хорошая социальная среда, любящие родители, полное отсутствие серьезных проблем. Как я это не ценил! Мечтал побыстрее окончить школу. Казалось, что жизнь в школе неполноценна, а вот потом...

«Идиот. Был идиотом, — мечтательно улыбнулся я. — Теперь встал на путь исправления».

Еще один плюс — способ внедрения. Володе лобовое столкновение со стеной прощаю, так и быть. На сотрясение мозга спишу неизбежные ляпы при адаптации и внезапное повзросление. Ну не смогу я, старый циник, достоверно отыгрывать ребенка. Буду крутить хвостом, заметая следы, и кивать на травму.

Из минусов — ничего из обещанных способностей. Глу-

хо как в танке. Я сосредоточился и попробовал еще раз толкнуть несколько образов, как делал тогда, в купе. Ничего, пусто. Абсолютно. Ни возможности обращения к памяти реципиента, ни брейнсерфинга.

Уже пора паниковать или еще немного подождать? Что это — неудачная пересадка сознания или временный сбой из-за травмы?

Без памяти реципиента я буду первые недели выглядеть полудебилком. Как бы из одной спецшколы, с углубленным изучением английского, не загреметь в другую, для дефективных. Вот будет начало карьеры, зашибись...

За тридцать пять лет из памяти выпала масса сведений. Ну, предположим, в районе не заблужусь. В школе — тоже. Но, черт побери, я не помню имена и отчества половины учителей, большую часть нынешних кличек одноклассников и их привычки, особенности отношений. Не помню свою одежду и где она лежит... Какая из зубных щеток в ванной — моя? Блин... А почерк? Если почерк изменился, то пиши пропало. Учителя наши каракули узнают влет.

А самое палево — не помню, чего в восьмом классе категорически не мог знать. К примеру, английский язык... Сейчас я им владею явно лучше, чем в конце восьмого класса, — несколько лет жизни за границей даром не прошли. Эльвира же мой текущий уровень представляет хорошо. У учителя английского от силы сорок учеников зараз, видимся каждый день да не первый год, всю подноготную мою помнит, все любимые ошибки. А вот я — нет. И как объяснить резкий скачок в разговорном английском, изменение произношения — фиг его знает. Зато грамматику сейчас завалю — сложно завернутые фразы в реальной жизни встречаются редко. Ума не приложу, что делать, ни одной разумной версии...

Дверь приоткрылась, в проеме возникла мама с подносом:

— Сынуля, может, пообедаешь? Супчик куриный погрела. А я в поликлинику потом сбегая, вызов участковому оставляю. Как ты себя чувствуешь? Не тошнит больше? Как голова?

Пока мама хлопотала вокруг, пытаюсь помочь усесться, взгляделся в ее черты. Она же сейчас, получается, младше меня лет на пятнадцать. Если взять те критерии, по которым я оценивал женщин еще сутки назад, — молодая красивая женщина. Очень необычно, очень непривычно, особенно если учесть, что я видел ее всего неделю назад.

— Спасибо, мам, поем. Вроде ничего, голова побаливает да кружится немного. Но хуже не становится — это главное. Отлежусь за два-три дня.

— Ох, а контрольные четвертные? — Мама испуганно округлила глаза. — У тебя же завтра физика и сочинение? Как же тебе оценки за четверть выставят?

— Ну представь, что у меня аппендицит случился. Или ногу бы сломал. Как учился в четверти, так и выставят, — ответил я, лихорадочно соображая: «Точно, последняя неделя марта — каникулы. Раз мне предстоит в ближайшие дни четвертные контрольные, значит, сейчас идет неделя перед каникулами. Надо косить до них — чем больше времени будет на адаптацию, тем лучше. Интересно, какой сегодня день недели?»

Мама расстроено покачала головой и оставила меня наедине с обедом. Так-с, куриный супчик с лапшой, картошкой и морковкой — первая проба пищи в двадцатом веке. Повел носом, втягивая туманящий аромат, одновременно прислушиваясь, не усиливается ли дурнота. Вроде таможня дает добро — вон как живот голодно заурчал. И я замолотил ложкой.

Минут через десять довольно потянулся, сыто откинувшись на подушку. Молодой организм с энтузиазмом метнул в себя две порции супа и не отказался закусить булкой с плавленым сыром «Янтарь».

Ну что я могу сказать... Никакого сравнения, конечно: все вкусы и запахи стали ярче и объемнее, чем были еще сутки назад. Случайно раскушенная горошинка перца взорвалась во рту таким болезненным жжением, что пришлось быстро захлебывать ее бульоном. Значит, это не еда стала лучше, а обострилась чувствительность. Правы те, кто говорят о притуплении с возрастом вкусовых и обоня-

тельных рецепторов. Видимо, именно поэтому с годами люди постепенно переходят на все более крепкий чай, кладут больше специй и могут смаковать коньяк и виски.

Вот и еще один плюс обнаружился. В ближайшие десять лет лишний вес мне априори не грозит, можно от души пожрать. Это будет славная охота...

Хлопнула входная дверь: мама умчалась в поликлинику. Самое время выйти на разведку. Сбросил со лба грелку, надел вытянутые в коленях темно-синие тренировочные штаны, майку, нацепил на ноги войлочные тапки и осторожно двинулся к выходу из комнаты.

Первым делом — на кухню. На холодильнике должны быть свежие газеты. Ну вот, прикуп и определился. 15 марта 1977 года, вторник, полтретьего.

На что можно рассчитывать от медицины при сотрясении мозга? Три дня постельного режима. Среда, четверг, пятница.

Я радостно ухмыльнулся. Просто праздник какой-то, до каникул — на справке. Ха! Не очень-то в школу и тороплюсь.

Довольно насвистывая, огляделся по сторонам. На подоконнике рядком выстроились баночки из-под майонеза. В каждой торчит по луковице, выбросившей вверх дружные зеленые стрелки. В трехлитровой банке с затянутым марлей горлышком медузой висит чайный гриб. Не удержавшись, я налил полстакана светло-желтого, шипящего пузырьками напитка, добавил пол-ложки сахара, размешал. Эх... Давно забытый вкус.

За окном непривычно пустой Измайловский проспект. За минуту, что я вглядывался в заоконье, проехали лишь четыре машины — два бледных, будто выцветших, «жигуля», темно-зеленая хлебовозка и синяя с белой диагональю «почта» — да прогрохотал желтый трамвай с облупившимся штурвалом тормозной колонки на задней площадке. На растяжке поперек проспекта подергивался на ветру красный трафаретный профиль Ленина. Проезжая часть и тротуары на удивление чисты, но фасады зданий напротив выглядят мрачно из-за накопившейся на стенах копоти и

давно не крашенных темных рам. Никаких кричащих вывесок или рекламы, лишь лаконичные: «Вино-Водка», «Булочная» и вдали, ближе к собору, «Диетическая столовая» и «Почта».

Оторвавшись от окна, полез с обыском в холодильник, на котором памятью о прошедшем Восьмом марта маячила в хрустальной вазе осыпающаяся веточка мимозы. Так-с, эмалированный бидон с молоком, пол-литровая банка сметаны, яйца, масленка, сырница, запечатанная зеленой фольгой бутылка с чем-то кисломолочным, кастрюля с уже отведанным супом, ярко-алая чугунная гусятница с тушеной говядиной и поставленный в кастрюльку алюминиевый дуршлаг с откинутыми отварными макаронами подозрительно серого цвета.

Не удержавшись, выудил сметану и протестировал продукт.

— Зачет, — промурлыкал я, довольно облизывая ложку. — А жизнь-то налаживается!

В прихожей быстро провел ревизию шкафа и вешалки. Определить, где моя одежда и обувь, было не сложно — я сейчас сантиметров на двадцать ниже отца. М-да... И вот это придется носить?! Нет, все чистенькое, не вытертое, не заштопанное, но все такое... такое... простое и безыскусное. Как с китайского рынка десятилетней давности. Закрыл дверцу шкафа и удрученно вздохнул. Придется привывать. Одна надежда на то, что на общем фоне не буду выделяться в худшую сторону. Насколько помню, я еще неплохо одевался.

В комнате родителей только огляделся. В конце концов, ничего нового я там не увижу, только хорошо забытое старое. Телевизор «Рекорд» на тумбочке бара, недавно купленный чешский гарнитур с темными полированными поверхностями, пара кресел, журнальный столик и застеленная тахта. За стеклянными дверцами серванта громоздятся хрустальный сервиз и другая посуда — эдакая выставка достижений семейного хозяйства. И книги, книги в большом количестве — обязательный атрибут «приличной» квартиры. Чем больше книг, тем она приличнее. Справедливости

ради надо заметить, время покупать книги «для мебели» еще не пришло: все приобретенное честно читалось всей семьей.

Добравшись до трюмо в прихожей, смог наконец спокойно себя оглядеть. Из зеркала на меня внимательно смотрит длинноногий подросток. И что я комплексовал из-за оттопыренных ушей? Ни фи́га не оттопырены, нормальные грузочки.

Густые темно-русые волосы непривычно длинные, никаких признаков будущих залысин. Надо что-то сделать с прической, отвык я от патл, почти целиком закрывающих уши. Конечно, помню, что мода такая была, и за право носить каждый дополнительный сантиметр волос происходили Фермопилы, но, может быть, мне в этой битве капитулировать?

Прямой лоб, чистая кожа. Слава богу, юношеские прыщи никогда не являлись моей проблемой. Брови... Я погримасничал немного: брови легко заламывались выразительным домиком. Неплохо.

Глаза серовато-зеленоватые, неравномерной окраски, с прямыми, как стрелки, неяркими ресницами. Смотрят серьезно и немного исподлобья. Нос как нос, обычный. Не большой, не маленький, не картошкой и не вздернутый, без горбинки.

Губы... Губы хорошие — девушкам нравились, а подбородок они называли решительным. Вспомнив о девушках, я мечтательно заулыбался и решил не привередничать. Внешность в мужчине — не главное, лишь подспорье. Оно у меня есть, и ладно. Отодвинулся и окинул себя взглядом еще раз.

«В целом приличный материал, жить можно», — решил я, направляясь назад в свою комнату.

Добравшись до письменного стола и начал рыться в ящиках в поисках фотоальбома. Предстояло восстановить в памяти лица друзей, подруг и учителей, попытаться вспомнить их имена... Альбом нашелся в итоге не в ящиках, а на боковых полках. Я сдул с него пыль и направился к кровати, по дороге сбросив в кресло одежду.

Забился под одеяло и свернулся клубочком, пытаюсь согреться. Немного подташнивало, слегка знобило, усилилась головная боль. Все же шмякнулся об стенку солидно, действительно не помешает полежать пару дней. С этими мыслями начал расслабляться, и тут меня осенило, да так, что застонал:

«Шестидневка, мать ее! Здесь же суббота — рабочий день в учебных заведениях. — Я еще раз мысленно пересчитал дни недели. — Значит, в субботу мне в школу...»

В задумчивости потрогал заклеенную лейкопластырем шишку. Ну ничего не поделаешь, надо опять выползать из норы. И я закружил по комнате в поисках портфеля. Ага, вот он, почему-то между столом и стеной.

Устроившись поудобнее в кровати, извлек из портфеля дневник и чуть покачал им в воздухе. Интуиция подсказывала, что я сейчас узнаю о себе много нового и интересного. Опасливо открыл. «Почерк — как кура лапой» — обо мне. Как же, помню, но не думал, что все было так ужасно. Корявые буквы разной высоты пьяно шатались в строю, словно революционные матросы после экскурсии по винным подвалам Зимнего.

Красными чернилами крики души: «Качался на стуле», «Опять качается на стуле», «Пришел без сменной обуви»... Что значит «плевался на перемене!»? А, жеваной бумагой из трубочек. Интересно, а в меня тоже... плюются?! Что-то я не уверен в своей способности перенести подобное без ответного членовредительства...

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления.

Полез в конец дневника. «Тройки» и «четверки» в четвертях по английскому, русскому и литературе, рисованию и труду. Да, писателем или художником мне не быть... Остальное, слава богу, — «пять».

Пролистал до текущей недели. В субботу меня поджидают геометрия, химия, физкультура, английский и биология, потом классный час.

Отложив дневник, взялся за учебники. Что хоть учим-то в этом сезоне?

Отлично, по биологии — анатомия и физиология челове-

ка. Я радостно фыркнул, верхнее медицинское мне в помощь. По химии — неорганика. Сверившись с изредка встречающимися в дневнике заданиями, определил изучаемые в третьей четверти темы: галогены и группа кислорода. Ха-ха, всего тридцать страниц в учебнике, за час вспомню.

— Эту неприятность мы переживем, — немзыкально напел я и с тревогой взялся за учебники по геометрии и алгебре.

Ы-ы-ы... Как чувствовал! Теоремы косинусов и синусов, вписанные и описанные многоугольники, квадратные уравнения. А слова-то какие! Дискриминант, теорема Виета, разложение квадратного трехчлена. На последнем я хихикнул, потом взгрустнулось. Может, в школе я это и сдавал в свое время на «пять», но сейчас к такому подвигу не готов категорически.

— Что ж вы, товарищ Барсуков, — ласково говорю обложке, — такой курс написали сложный-то?

Шутки шутками, но светит мне все каникулы изучать алгебру с геометрией заново...

С русским еще хуже. «Сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельствами степени и образа действия», «сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельствами следствия, цели и сравнения». Это же филология, в восьмом-то классе... Ужастик. Что-то мне видится неправильным в обучении детей грамоте через тонкое знание морфологии языка. Верно Алла Борисовна спела: «Нынче в школе первый класс вроде института», святая истина.

На таком фоне программа по физике выглядела стройной и лаконичной: второй и третий законы Ньютона, закон всемирного тяготения, момент силы, закон сохранения импульса. Готов за день выучить.

Итак, алгебру и русский придется восстанавливать на каникулах. Грустно, девушки. Кстати о девушках... Нет, стоп, поручик, первым делом — самолеты. Я волевым усилием сначала отогнал горячащие мысли о непотребном на задний план, а потом и вовсе выкинул их из головы. Сейчас есть задача поважнее.

Откинувшись назад, задумался. За неделю каникул, конечно, прочитаю всю программу года по всем предметам. Все-таки учиться — тоже навык, и если у школьников он еще недоразвит, то к окончанию института отполирован до блеска. Как езда на велосипеде — если уже научился, то не разучишься.

А вот суббота меня напрягает. Может, агgravировать симптомы? Опасно, можно загреметь в больницу, чего категорически не хочется. Ладно, биологию я и сам могу вести, химия страха не вызывает, геометрию придется выучить — в конце концов, там всего сорок страниц. Осилю за три дня. А вот с английским надо что-то придумывать, там могу проколоться на слишком хорошем знании, и объяснить это будет сложно.

Вздыхнув, сложил учебники в портфель и взялся за изучение прихваченной с кухни стопки газет. «Правда», «Красная звезда», «Советский спорт» и недельной давности «Литературная газета». Сверху — вырезка из какой-то газеты с программой телепередач. С нее и начал.

Итак, сейчас идут «Отзовитесь, горнисты». Затем в течение получаса будут идти, хм, «Рассказы о ПТУ». Нет, спасибо, не надо... Дальше целых полтора часа классической музыки: сцены из опер Скрябина, Мусоргского и Глинки. В прайм-тайм... Обалдеть. В двадцать один — «Время». Потом фильм о Мравинском — и все, конец передач по первой программе.

Да, негусто. Интересно, это осознанная политика, чтобы люди у телевизора не жили, или власти на самом деле не понимают, как с толком использовать такой мощный ресурс? Вот и первая тема на обдумывание.

Я потянулся к «Правде», и тут в коридоре резко затрезвонил телефон.

— Алло.

— Ну что, поел? — решительно раздался из трубки незнакомый девичий голос и продолжил, не дожидаясь моего ответа: — А я стрижку сделала, завтра увидишь. Под Мирей Матье. Как ты думаешь, мне такая идет?

Началось! Мгновенно взмокнув, я поволок телефон в

комнату, на ходу лихорадочно перебирая в уме варианты ответа. Версия, что кто-то перепутал номер, не принимается.

— Ну если ты споешь так же, как она, то даже короткий «ежик» будет неплохо смотреться, — осторожно забросил я ответ.

— А? Короткий «ежик»? А это идея... — В трубке колокольчиком разливается смех. — Эриковна заикой сделается, меня увидев.

— Да, популярность будет тебя преследовать. Не будешь знать, куда от нее спрятаться, — подтвердил я, пиная зацепившийся за край двери телефонный шнур.

— Сейчас, погоди, я час заварю... А то еще не ела после школы...

Смутные подозрения начали оформляться в гипотезу. Да, этот голос я не слышал тридцать пять лет, но интонации припоминаю. Да и кто еще мог мне так звонить?!

Это Света Зорько. Умненькая, веселая и некрасивая девочка, по какой-то неведомой причине избравшая меня в восьмом классе в качестве объекта любви и сохранившая верность своему выбору до конца школы. Потом пути-дорожки разошлись, и я с облегчением выдохнул. По слухам, Зорька вышла замуж и родила сына. В школе мне, к счастью, удавалось удерживать ее на расстоянии вытянутой руки и даже чуть дальше, но нервов на это ушло немало.

— Слушай, — начинаю я вкрадчиво, — у меня тут неприятность.

— Что, опять? Во что теперь вляпался?

— Э-э-э... Судя по всему, в сотрясение мозга.

Интересно, что она имела в виду под «опять?»

— Ой... Как угораздило?

— Классически. Поскользнулся, упал, очнулся — ан гипса-то и нет. Зацепился за бортик ванны, вылезая из душа, и спикировал головой в стену напротив. Теперь лежу, жду врача, мама в поликлинику побежала.

— Я сейчас приеду!

Меня еще раз окатило холодным потом. Только не это...

— Стой! Не надо. Я себя плохо чувствую, голова болит и все такое. Сейчас с тобой поговорю и спать завалюсь. Ско-

рее всего, меня врач на три дня дома оставит. Значит, я выйду в школу в субботу. Напомни, — добавляю в голос просительных ноток, — у нас там что из контрольных будет? А то у меня в дневнике ничего не записано.

— В твоём дневнике — да чтоб что-то было записано! Сейчас... Летучка по геометрии, контрольная по химии и темы по английшу. Кстати, не забудь тогда в субботу принести книгу, что обещал на каникулы.

— Какую книгу? — спросил я, нервно сглотнув.

— Ты не придируйся. Обещал — значит, носи.

Думай, голова, думай... Нет, не угадаю.

— Слушай, напомни...

— Ты что, головой стукнулся?

— Ты запомнила, правда? — восхищаюсь я.

— Андрюх, — на выдохе с ужасом в голосе, — ты что, серьёзно?

Так, надо использовать ситуацию. Насколько я помню, она ради меня в фольгу была готова раскататься. Столько мне не надо, но от небольшой товарищеской поддержки не откажусь. Жаль, не скажу точно, «Джентльмены удачи» уже вышли на экраны или нет.

— Обещаешь молчать? Я даже маме пока не говорил.

— Да-да, обещаю! Давай колись, — запритопывала подружка от нетерпения на том конце провода.

— Только чтобы действительно молчок, по-серьёзному. Не хочу родителей огорчать. Короче, у меня от удара легкая амнезия развилась.

— Тут помню, тут не помню? — откликнулась паролем Света.

Ага, значит, вышел фильм. Тем легче, концепция посттравматической амнезии в массы внедрена.

— Знаешь, странное ощущение. Как будто память на кусочки разбилась, разлетелась и сейчас складывается постепенно обратно. Большинство уже встало на место, а некоторые еще нет. Надеюсь, что пазл соберется, пока я отлеживаюсь, но некоторые вещи сейчас действительно не помню.

— Пазл?

Черт, слово не в ходу сейчас. Внимательней, Андрюха, внимательней...

— На Западе так называют головоломку, когда картинку режут на фрагменты, мешают, а потом их надо собрать в правильном порядке. Короче, какую книгу тебе обещал принести, я действительно не помню, — улыбнулся в трубку.

— Ты мне «Пером и шпагой» обещал.

— Ага, хорошо. Сейчас поговорим, найду и в портфель положу. Так... А какие темы по английскому надо учить?

— Знаешь... — задумчиво отозвалась трубка. — Я сегодня, так и быть, не поеду, но завтра после школы точно зайду, что-то ты совсем плох стал. И лучше бы тебе все самому вспомнить к моему приходу!

— Ой, уже боюсь, — заулыбался я. — Ты ж на раненого руку-то не поднимешь? Ладно, договорились, буду стараться. Давай, Зорька, теперь ты спокойно попьешь чай без телефонной трубки у уха, а я полежу.

— Как ты опять меня назвал?! — взвилась Света на том конце, словно укушенная оводом.

— А что, Зорька — очень красивое имя, мне нравится.

— Так коров зовут! Ты хочешь сказать, что мне идет коровье имя?! Может, ты у меня еще что-нибудь общее с ними видишь?!

— Все-все, — я стремительно капитулировал, — пожалей больного на голову. Ну извини, пожалуйста. Я действительно не хотел тебя обидеть. А имя и правда красивое.

Трубка немного помолчала, потом неуверенно переспросила:

— Ты это что, у меня прощения сейчас попросил?

— Ну да, почему нет, раз тебя обидел...

Еще немного помолчав, Света с чувством выдохнула:

— Ты запомнил, об какую плитку ударился? Пометь ее, пожалуйста, прямо сейчас, пока не забыл, — она волшебная. Иначе потом придется искать методом проб и ошибок, а голова у тебя только одна.

Из прихожей донеслись звуки открывающегося замка. Приглушив голос, я доложил:

— Мама пришла. Давай до завтра, удачи в школе на кон-трах, ни пуха ни пера.

— К черту, тьфу-тьфу-тьфу. Выздоровливай быстрее.

Аккуратно положив трубку на аппарат, я задвинул теле-фон под кровать и шмыгнул под одеяло. На пороге возник-ла мама с сумкой в руке.

— Повезло: на обратном пути заскочила в гастроном, а там сосиски как раз выкинули. Успела ухватить два кило-грамма, пока очередь не набежала, — похвасталась она успехами. — А что телефон в комнате, кто звонил?

— Света.

— Вот неугомонная! — Мама неодобрительно насупи-лась. — Ты ей сказал, что болен?

— Угу, сказал. Завтра придет после школы.

— Зачем это еще? — насторожилась мама.

— Прическу новую показать. Успокойся, успокойся, я пошутил! Темы по английшу сверим к субботе.

Мама, удовлетворившись версией, направилась в кух-ню, а я взялся за фотоальбом. Минут за десять, морща лоб и пыхтя, вспомнил имена и клички двух третьей класса, но че-ловек пять смог восстановить только по фамилиям, и то не с полной уверенностью. По окончании учебного года из двух классов сделают один, остальных разгонят по обыч-ным школам и училищам. Вот ушедших после восьмого я помню, за редким исключением, плохо.

Раздался звонок во входную дверь, в прихожей что-то забормотали. Судя по всему, подросла медицинская по-мощь. Быстро — мама минут тридцать как оставила заявку.

«Значит, — напомнил я себе, — надо получить справку как минимум на три дня».

Дверь в комнату открылась, и на пороге появилась блондинистая девчонка в отглаженном белом халате по-верх темно-синего вязаного платья. На шее фонендоскоп, в руке — сумка, на симпатичном лице — строгое выраже-ние. Лет двадцать пять, прикинул я, года два после меда.

«Не окольцована», — на автомате завершил анализ мозг.

«Господи, ну какая мне сейчас разница?» — поразился я вывертам подсознания.

— Ну, что случилось? — спросила она, усаживаясь на край кровати рядом со мной и участливо разглядывая шишку.

До меня докатился наивный аромат простеньких духов, вызвав неожиданное сердцебиение и легкий румянец на щеках.

— Я на кухне готовила, вдруг слышу в ванной глухой удар и как тело упало, — взволнованно начала мама, размахивая руками. — Я туда, а дверь закрыта изнутри. Дергаю, кричу: «Андрей!» — и ничего... Я...

— Мне протокол составлять не надо. Я не милиционер, меня другое интересует, — улыбаясь, остановила врача мамин монолог. Затем наклонилась ко мне и положила руку на лоб. Халат немного распахнулся, и на фоне окна совсем недалеко от моего лица прорисовалась обтянутая платьем симпатичная окружность.

О, черт! Я такого не заказывал! Молодой организм меня достал, не было же в этом возрасте у меня эрекции на взрослых тетя, я точно помню!

«Ну все, — заметалась мысль. — Сейчас, значит, она выяснит анамнез, спросит, что беспокоит, и захочет постучать по коленям для определения асимметрии коленных рефлексов. — Я испуганно скосил глаза на рукоятку молоточка, торчавшую из правого кармана врачебного халата. — Попросит, значит, сесть и закинуть ногу за ногу... И что я ей скажу и что скажет мама?»

Тихонько согнув ноги в коленях, я сложил кисти в замок на животе и, пока мама в красках и с выражением рассказывала мои паспортные данные, попробовал сделать несколько медленных глубоких вдохов. Помогло не очень. Я прислушался: совсем даже не помогло. Организм имел свою собственную точку зрения на то, чем надлежит сейчас заняться, и менять ее не собирался.

«Это конец», — подумал Штирлиц».

Услужливое воображение подхватило и творчески развило тему, переодев девушку в затянутый португеей эсэсовский мундир. Получилось премило. Особенно если эти светлые волосы распустить. Или нет, наоборот, заплести в

косу и закрутить вокруг головы... Эрекция усилилась, хотя я только что был убежден, что дальше уже некуда. Ошибся, резервы молодости неисчерпаемы. Щеки начали пылать.

— Мам, ты бы чаю пока приготовила человеку, — начал я звенящим от волнения голосом, — а я и сам все расскажу.

— Ой, и правда, я сейчас... — Мама метнулась на кухню.

Минут пять у меня есть — пока чай заварит, пока бутерброды нарежет.

— Вылезал из душа, запнулся о бортик ванной, упал, ударился головой об стенку, потерял сознание секунд на двадцать, наверное. Когда очнулся, два раза вырвало. Сейчас слабость и потливость. Тошнота постепенно уменьшается. Если хожу или сижу — немного начинает болеть и кружиться голова. В покое голова уже не болит и не кружится. Доклад окончен.

— С вами все понятно, больной, — протянула врачиха задумчиво, наклоняясь еще ближе и внимательно вглядываясь сначала в один мой зрачок, потом в другой.

Анизокорию проверяет. М-да, а глаза у нее синие-синие, в обрамлении черных ресниц... И ямочка на левой щеке, когда улыбается.

Ладонь докторши опустилась на рукоятку молоточка, и я затосковал.

— Ну-ка, смотри сюда, — ласково сказала девушка и ловко нарисовала им надо мной крест.

Я послушно подвигал глазами.

— Угу, так... — Пристукнула молоточком по подбородку, затем решительно встала, повернулась ко мне лицом и дружелюбно приказала: — Садись, ногу на ногу закинь.

Я помогал головой и поджал ноги посильнее.

— Что такое? Боишься, голова закружится?

— Я вас стесняюсь, — пунцовея, сделал я первый заход.

— Ой, да брось, я же доктор, нас стесняться не надо, — почти убедительно проворковала она, при этом по лицу скользнула мысль: «Да и что я там не видела...» — Ты что, без трусов лежишь?

— В трусах. Но они не сильно помогут.

Теперь надо уверенно посмотреть ей в глаза и чуть на-

глогато улыбнуться, только не переиграть. Зафиксировав взгляд, я указал глазами вниз, разогнул колени и развел кисти в сторону. Взгляд врачихи задержался на выразительно взбугрившемся одеяле.

— Я боюсь вас испугать, — твердо сказал я, с легкой улыбкой глядя в глаза, и мысленно добавил: «Или обрадовать».

Секунды три девушка переваривала увиденное и сказанное, затем брови изумленно взлетели вверх, щеки начали заметываться румянцем, и она захихикала, прикрывая левым кулаком рот. Я с облегчением вздохнул и натужно улыбнулся.

— Комсо-омо-о-о-ол... — протянула она восторженно, продолжая хихикать. — Восьмой класс!

— Третья четверть, — подхватил я. — Это все дремучие инстинкты! — Меня подняла и понесла волна дурашливости. — Хочется хватать красивых девушек и тащить их в пещеру на шкуру убитого саблезубого тигра.

— Давить надо такие инстинкты, — наставительно заявила докторша. — На корню.

— Угу, попробуй задави... — горестно вздохнул я. — Скорее они сами задавят. Против природы не попрешь. К тому же я не тащу никого в пещеру. Пока...

Докторша как-то неуверенно хихикнула еще раз и с сомнением покосилась на меня.

— Вам, между прочим, радоваться надо, — начал я подводить к интересующей меня теме.

— С чего бы это вдруг? — Девушка с подозрением намурила брови.

— Ну... — застенчиво поковырял я пальцем одеяло, — базовые функции организма пациента не пострадали... как мы убедились. Можно без госпитализации обойтись, правда? Вам же проще — не надо эвакуацию заказывать. Отлежусь несколько деньков — и вперед с песнями.

— В целом верно. А откуда терминологию знаешь?

— Папа врач. Учебники иногда почитываю.

— А-а... понятно. А где папа работает?

— Военно-медицинская академия.

— У-у... понятно. Ладно, чудо, лежи... Сейчас справку в школу напишу. Но если вдруг станет хуже — обязательно снова вызвать врача.

Врачиха присела за стол, достала из сумки обычный тетрадный листок и что-то быстро застрочила, время от времени давя улыбку, отчего на щеке появлялась та самая ямочка. Я с умилением любовался ее профилем.

— Ну вот, готово. — Девушка повернулась ко мне, нахмурилась на взгляд и опять нахмурилась.

Я смущенно отвел глаза.

Тут весьма своевременно в комнату просочилась мама:

— Доктор, вы закончили? Что с ним, ничего серьезного?

— Легкое сотрясение мозга... — Врачиха с сомнением оглядела меня, словно мысль о наличии у меня мозгов показалась ей нетривиальной. Невольно задержала взгляд где-то посередине моего тела, резко вильнула глазами в сторону и, слегка покраснев, зачастила: — Три дня постельного режима, две недели освобождения от физкультуры. Станет хуже, появится рвота, усилятся головные боли — обязательно тут же звонить в «скорую». Но, думаю, все будет хорошо.

— Спасибо огромное! — Мама с заметным облегчением приняла справку. — Пойдемте на кухню, я там чаек заварила, бутерброды сделала со шпротами и колбаской...

Докторша непроизвольно сглотнула слюну, но попробовала упереться:

— Да нам не положено... вызовы еще есть...

Бесполезно. Я маму знаю. Точно, девушку со словами: «А мы быстренько, на пять минут всего», — уже волокут в кухню.

— Приятного аппетита! — кричу я ей вслед. — Заодно с мамой моей познакомитесь...

Докторша негромко фыркнула и решительно променяла меня на бутерброды.

Я облегченно расслабился. Отлично, несколько дней я себе на адаптацию выиграл. А вот фортели организма меня напрягали. Сделал охотничью стойку на женщину лет на

десять старше, потом дурашливость накатила, чего еще ждать?

Ясно одно: мое тело — не пассивная матрица. Подлянку может подкинуть в любой момент. А все время себя контролировать — можно и с ума сойти. Расслабиться, что ли, и получать удовольствие? Дрема постепенно овладела мной, а потом перешла в крепкий сон, ведь предыдущую ночь я не спал вовсе, с энтузиазмом осваивая брейнсёрфинг.

Сколько мне открылось секретов... Заговор с целью убийства Кеннеди был, Улофа Пальме действительно завалил псих-одиночка, инопланетян пока не обнаружили, самый богатый человек мира живет по принципу «большая вода тихо течет» в маленькой хижине в Малайзии, клуб по управлению миром существует, но работает прискорбно неэффективно. И как все это бесполезно здесь и сейчас...

Где-то среди ночи я проснулся и немного поворочался, наблюдая за колыханием теней на потолке. Затем не выдержал, поднялся и пробрался к окну. За холодным стеклом сквозь редкие ветки деревьев темнели силуэты домов. Слегка покачивающаяся под железным колпаком одинокая лампа выхватывала конусом света косо летящий мокрый снег. На отвоеванном у тьмы клочке двора распласталась комковатая серая слякоть. Я любовался этим, торжествуя улыбаясь. Мой любимый светлый мир, я пришел к тебе!

ГЛАВА 2

Среда 16 марта 1977 года, 8:40

Ленинград, Измайловский проспект

Окончательно я проснулся от шелчка закрывшегося замка, хотя и до этого сквозь приятную полудрему до меня порой доносилось какое-то шебуршание в прихожей и в коридоре. Судя по всему, родители ушли на работу — значит, начало девятого. Вот я придавил на массу, чуть ли не пятнадцать часов суммарно! Странно, что папа не разбудил меня для осмотра. Пожалел, наверное, мой крепкий лечебный сон.

Сладко, до хруста в спине, потянувшись, прислушался к телу. Оно желало распрямиться упругой пружиной и понестись туда, где есть еда и девушки. Или девушки и еда? Я попытался выделить доминантное желание. Хм... Похоже, все-таки еда. Ну оно и к лучшему — что пожрать, я сейчас точно найду, а вот девушка в квартире за ночь навряд ли завелась. Раньше, по крайней мере, со мной такого не случилось. Даже обидно.

Я еще повалялся в кровати, размышляя о девушках вообще и тех их лучших представительницах, которые будут в моем окружении в ближайшие месяцы, потом с печальным вздохом развеял сладостные грезы. О деле надо думать, о деле.

Мышцы вибрировали свежей силой, в голове царил непривычная для утра ясность. Эту хлещущую из меня энергию — да на мирные бы цели. Ну, тело, погоди! От сотрясения отойду и впрягу тебя в нагрузки, взвоешь еще.

Я перевернулся на другой бок. Надо будет составить программу физического развития и поддержания здоровья. Предстоит период бурного роста, а это оптимальное время для формирования фигуры. С отягощениями еще года два лучше не заниматься, пока связки и суставные сумки не окрепнут, а вот над общей выносливостью, скоростными способностями, растяжкой надо обязательно поработать. До зубовного скрежета.

Кстати о зубах. Клянусь! Торжественно клянусь тщательно чистить их два раза в день и полоскать после каждого приема пищи. Встретаться со здешними стоматологами, которые высверливают без обезболивания даже пульпит, мне совершенно не хочется. Воспоминания примерно этой поры свежи даже через треть столетия.

С другой стороны, есть смысл проявить инициативу, дабы не доводить до худшего. Надо бы к стоматологу самому сходить: маленькую дырочку легче лечить, чем здоровенный кариес. Встревоженно поводит языком по зубам в поисках дыр, не обнаружил и, не успокоившись на этом, двинулся в ванную. Осмотр нижних «шестерок» был прост — раскрывай рот и смотри. С верхними сложнее...